

Валерий МИХАЙЛОВ ВИКТОР

@ЭЛИТА

16+

Зеркало Пророка

Валерий Михайлов

Виктор

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Михайлов В.

Виктор / В. Михайлов — Электронное издательство "Аэлита",
2013 — (Зеркало Пророка)

Второй роман из серии «Зеркало Пророка». Главный герой романа Виктор становится участником эксперимента. Ему и слуге стирают личную память, в результате они не помнят, кто они, откуда и в какое время живут. В их распоряжении дом на безлюдном небольшом острове и месяц времени, за который Виктор должен вспомнить нечто важное. В случае неудачи его и слугу ждёт смерть. Виктор вспоминает свою жизнь. Его история начинается в конце 19-го века в Париже, когда судьба сводит его с людьми, стремящимися, во что бы то ни стало, найти Зеркало Пророка, и этот поиск полностью изменяет его жизнь, наполняя её смыслом, опасными приключениями и мистическими откровениями.

© Михайлов В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

1	6
2	12
3	15
4	16
5	19
6	20
7	25
8	26
9	32
10	33
11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Михайлов Виктор

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Человек живёт в двойственном мире. Согласно разуму его не удерживают никакие стены и физические преграды; он одновременно находится на небе и на земле – в Италии, Франции, в Америке – повсюду, куда проникает его разум силой своего стремления и понимания. Но согласно телу он существует лишь в том пространстве, которое определяется формой его тела. Он скован цепями и находится в темнице до такой степени, что не может произвольно отправиться в любое место, достигаемое его разумом и волей, в то время как его разум может пребывать в тысяче миров.

Томмазо Кампанелла. Метафизика

*Плачь, мы уходим навеки, так плачь,
Сквозь миры, что распались как клетки
Эти реки сияния! Плачь!
Ничего нет прекраснее смерти!*

Сергей Калугин. Ничего нет прекраснее смерти!

1

Сон уходил, но просыпаться не хотелось совершенно. Не хотелось покидать пусть призрачный, но райский остров, населённый прекрасными женщинами-Тайнами. Но сон уходил, как уходит поезд, на который ты опоздал буквально на минуту.

Остатки сна прогнал осторожный стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, в комнату вошёл высокий, жилистый мужчина неопределённого возраста, одетый в лёгкий костюм. Если бы не глаза, он был бы одним из тех, на кого не обращаешь внимания в толпе, но глаза, умные, живые глаза, излучающие уверенность и силу духа, делали его необычно ярким, запоминающимся человеком.

– Доброе утро, сэра, – сказал он, остановившись на почтительном расстоянии от кровати. – Извините, что побеспокоил, но ваш завтрак почти готов, и если вы не поторопитесь, он остынет, а это, согласитесь, нехорошо. Ваше имя – Виктор. Меня предупредили, что его вы тоже не будете помнить. Я – ваш слуга. Зовите меня Саймонсом.

Слова Саймонса заставили Виктора осознать, что он действительно ничего не помнит, никакой личной информации.

– Где я, и что, чёрт возьми, происходит? – нервно спросил он.

– Простите, сэра, но я должен вернуться на кухню. Всё, что мне известно, а знаю я чуть больше вашего, я расскажу за столом. А сейчас позвольте мне идти, иначе вы останетесь без завтрака.

Последнюю фразу он произнёс, закрывая за собой дверь. Оставшись один, Виктор сел на кровати и, обхватив голову руками, уставился в никуда. Он был растерян и напуган. Он не знал ровным счётом ничего. Даже какой сейчас век, даже кто он, и как выглядит. Прошло около десяти минут, прежде чем он вышел из этого оцепенения. В большом, в человеческий рост, зеркале он увидел высокого голубоглазого блондина атлетического сложения чуть старше 25 лет, с красивым, но без приторности лицом. Он огляделся и увидел, что находится в просторной комнате с высоким потолком. Кроме огромной кровати там стояли платяной шкаф, тумбочка, туалетный столик, на полу лежал толстый ковёр ручной работы. В шкафу Виктор нашёл одежду своего размера. Одевшись, он вышел из комнаты и оказался в коридоре, куда выходили двери других комнат. С обеих сторон коридор заканчивался массивными деревянными лестницами. Из окон в противоположной от комнат стене открывался вид на великолепный, но несколько не ухоженный сад. Между окнами на стене выделялись более яркие прямоугольники – следы от картин. Самих картин в доме не было. Спустившись на первый этаж, Виктор оказался в прекрасной гостиной, с которой граничила столовая. Оттуда через открытые двери доносился вкусный запах еды. В столовой на огромном столе, за которым свободно могли сидеть не меньше десятка человек, сиротливо стоял один прибор.

– Что, чёрт возьми, происходит? – спросил Виктор, садясь за стол.

– Завтрак, сэра, – ответил Саймонс. Лицо его при этом было совершенно бесстрастным. А вот лицо Виктора стало злым.

– Я попросил бы вас впредь воздержаться от подобных ответов на вопросы, – холодно произнёс он.

– Простите, сэра, если моё поведение показалось вам вызывающим. Дело в том, что моё положение не лучше вашего. Мы с вами стали участниками эксперимента. Нас поселили здесь, в этом доме на маленьком острове в море или океане. Кроме нас здесь нет ни одной живой души. Я, так же как и вы, прошёл обработку памяти, так что я даже не уверен, тот ли я человек, в чьей роли оказался. Я проснулся на несколько часов раньше вас. Прочитал письмо с инструкциями... И всё. Кстати, для вас наши хозяева тоже оставили письмо.

– Где оно?!

– У меня, сэр.

Саймонс достал из внутреннего кармана пиджака конверт и положил на стол. Виктор поспешно вскрыл конверт и принялся читать написанный чернилами текст:

«Дорогой Виктор!

Как Вам уже сообщил Саймонс, Вы находитесь на одном из островов. В доме нет ни одного предмета, который мог бы сообщить вам о месте или времени вашего пребывания. Это сделано для того, чтобы не отвлекать Вас от воспоминаний, а Вы должны вспомнить нечто важное, причём в течение 30 дней с момента прочтения этого письма. Иначе Вас и Саймонса ждёт смерть. Таково условие этой игры.

Саймонс об этом ещё не знает, так что именно Вам придётся сообщить ему эту новость. Он тоже прошёл обработку памяти, так что ничего из того, что может помешать эксперименту, он не сможет вспомнить.

Я же искренне желаю Вам удачи.

Искренне Ваши или Ваша... Сейчас это не имеет значения».

– Дьявол! – Выругался Виктор, которому, разумеется, не понравилась отведённая ему роль. – Прочтите, – он нервно положил письмо на стол.

Прочитав письмо, Саймонс изменился в лице.

– Что вы об этом думаете? – спросил Виктор.

– Похоже, нам остаётся уповать только на вашу память, сэр.

– Знать бы ещё, что я должен вспомнить, – желчно произнёс Виктор.

– Этого нам не сообщили, сэр. Но мне были даны инструкции, где и как вы должны вспоминать.

– Так что же вы молчите?!

– Это в подвале, сэр.

– Так ведите!

Виктор вскочил из-за стола.

Вход в подвал находился за маленькой дверкой под одной из лестниц. Обычно за такими дверями бывают подсобки, где хранятся вёдра, веники и прочие подобные предметы. За этой же дверью начиналась винтовая лестница, ведущая в кромешную тьму.

– Похоже на каземат, – сказал Виктор.

– Совершенно с вами согласен, сэр. Пойду принесу фонарь.

Спустившись на глубину не менее трёх этажей, они оказались в коротком коридоре, который заканчивался низкой массивной дверью. Дверь была оснащена нехитрым механизмом, запиравшим её всякий раз, когда она закрывалась. Пол, стены и потолок были выложены камнем. За дверью было настолько маленькое помещение, что в нём можно было только сидеть.

– Они что, хотят, чтобы я согласился похоронить себя заживо в этом склепе? – раздражённо спросил Виктор.

– Боюсь, у вас нет выбора, сэр.

– И что, я должен здесь торчать, пока не вспомню?

– Согласно инструкции, вы должны будете уединяться здесь каждый день сразу после заката. Когда пожелаете выйти, звоните, – Саймонс указал Виктору на небольшое кольцо, расположенное справа от двери. – До заката вы предоставлены самому себе.

– Ладно, Саймонс, давайте выбирать на свободу.

– Хотите осмотреть дом, сэр? – спросил Саймонс, когда они вернулись в гостиную и немного перевели дыхание после утомительного подъёма по лестнице.

– Хорошая мысль, – согласился Виктор.

– С чего бы вы хотели начать?

– Подвал мы уже осмотрели, так что предлагаю идти дальше снизу вверх.

– Очень хорошо, сэр.

На первом этаже кроме гостиной и столовой были расположены кухня и другие служебные помещения из области царства слуг. На втором этаже кроме спален они обнаружили кабинет и большую библиотеку, где в несколько рядов стояли стеллажи. Они были пусты.

– Хм... – удивился Виктор.

– Думаю, сэр, чтение книг, по мнению наших хозяев, могло бы помешать вам в вашем воспоминании, – предположил Саймонс.

В кабинете тоже не было ничего, что могло бы навести на мысль о его хозяине. Письменный стол, кресло, пачка бумаги, чернила, перья, и всё...

Зато к спальням примыкали огромные ваннные комнаты. В доме были проведены канализация и водопровод.

Над вторым этажом была мансарда, превращённая в зал боевых искусств, вдоль стен стояли стойки со всевозможным колюще-режущим оружием, начиная с мечей, топоров, сабель и шпаг и заканчивая экзотическими приспособлениями для умерщвления ближних. Кроме боевых образцов были и учебные. У Виктора эта коллекция вызвала восхищение, граничащее с детским восторгом. Взяв саблю, он несколько раз ловко ею взмахнул. Рука вспомнила оружие.

– Как вы относитесь к фехтованию? – спросил он Саймонса.

– Положительно, сэр, правда, не помню, насколько хорошо владею этим искусством.

– Не хотите попробовать?

– Как вам угодно, сэр.

– Какое оружие предпочитаете?

– На ваше усмотрение, сэр.

– Тогда предлагаю поединок на саблях. Для начала воспользуемся учебными, – резонно решил он.

Мужчины оказались хорошими фехтовальщиками, и поединок доставил им массу удовольствия.

– Вы не знаете, который час? – спросил Виктор, кладя оружие на место.

– В доме нет ни одних часов, сэр.

– Как же мы будем ориентироваться?

– По солнцу днём и по звездному небу ночью, сэр.

– Что ж, эти часы, по крайней мере, не надо заводить.

– Вы совершенно правы, сэр.

– Тогда предлагаю взглянуть на наше гнёздышко снаружи.

Дом был сложен из белого кирпича и покрыт красной черепицей. Стоял он на вершине невысокой скалы у самого моря с восточной стороны острова. К песчаному пляжу вела вырезанная в скале широкая лестница с деревянными перилами, окрашенными в зелёный цвет. С трёх других сторон дом был окружён немного запущенным садом, изобилующим характерными для теплых широт растениями. Сразу за садом начинался лес, откуда доносились крики птиц. Недалеко от дома в саду стояла прекрасная белая беседка, увитая цветущим большими красными цветами плющом. Виктору она показалась знакомой.

Было жарко, несмотря даже на лёгкий прохладный ветерок, дующий с моря.

– Пожалуй, я окунусь перед обедом, – решил Виктор.

– Хорошая идея, сэр.

– Стол накройте в беседке. Есть в доме в такую погоду – это преступление.

Спустившись к морю, Виктор разделся и бросился в воду. Он долго и с удовольствием плавал, и когда вернулся на берег, в теле чувствовалась приятная усталость. После еды его сморил сон.

– Прощу прощения, сэр, – услышал он голос Саймонса, – солнце у самого горизонта.

– Да, конечно, Саймонс.

– Я приготовил для вас тёплую одежду. В подвале холодно и наверняка сыро.

– Я не ужарюсь? – спросил Виктор, увидев шерстяные брюки, свитер, парусиновую куртку, тёплые носки и спортивные туфли.

– Думаю, это будет в самый раз, сэр.

– Поверю вам на слово.

– Подобные каменные мешки используются с двойной целью, сэр, – рассказывал Саймонс, пока Виктор готовился к воспоминанию, – для неподготовленных людей такое место является сущим адом. Достаточно всего несколько дней заточения, чтобы человек сошёл с ума. Но в некоторых йогических школах люди добровольно замуровывали себя в каменных мешках, чтобы обрести мистическое просветление. Тишина, тьма и одиночество очень сильно влияют на человека, сэр.

– Откуда у вас такие познания?

– К сожалению, этого я не помню, сэр.

В подвал Виктор спускался с тяжёлым чувством. Он словно бы сам хоронил себя заживо. В голову лезли всякие неприятные мысли, которые он, как ни старался, не мог отогнать.

– Удачи, сэр, – сказал Саймонс, закрывая за Виктором дверь камеры-гроба.

В абсолютной тишине было слышно, как стучит сердце и пульсирует кровь в сосудах. Виктор словно бы вернулся в детство, когда в ночной темноте его окружали детские страхи, от которых он прятался под одеялом. Он не боялся каких-то чудовищ, а просто боялся чего-то или кого-то, живущего в темноте, или того, кем являлась тьма. Сама тьма оживала и набрасывала на него сети страха. И вот сейчас он начал чувствовать, как тьма сгущается вокруг него, материализуется, превращается в некую наблюдающую за ним враждебную субстанцию, готовящуюся в любой момент перейти к нападению. Тьма смотрела на него своими совершенно чёрными глазами, скорее даже не как хищник на будущую жертву, а как гурман, готовящийся приступить к трапезе.

Тьма проникала в его сознание в виде липких, дурацких мыслей, отогнать которые он не мог, как ни пытался. А что если его не откроют? Что если это коварный план его врагов? И то, что он сам добровольно спустился в этот каземат, было частью их дьявольского плана, такой психологической составляющей утончённого мучения? Что если суть эксперимента как раз и заключается в том, чтобы смотреть, как он сначала сойдёт здесь с ума, а потом умрёт от голода или жажды, похороненный заживо в этом каменном склепе? А что если звонок не работает, или с Саймонсом что-то случится? Например, сердечный приступ? С одной стороны, Виктор прекрасно понимал, что всё это результат разыгравшегося воображения. С другой – ничего не мог с этим воображением поделать. С каждым ударом сердца страх продвигался всё глубже в его сознание, подавляя робкое сопротивление здравого смысла. Почувствовав, что он сходит с ума, Виктор принялся дёргать за кольцо. Безрезультатно. Саймонса словно и след простыл. Неужели то, что он ещё несколько минут назад считал бредом, – правда?! Поддавшись панике, Виктор принялся колотить в дверь. Прошла целая вечность, прежде чем он услышал, как лязгнул замок.

– Простите, что заставил вас ждать, сэр, – услышал он голос Саймонса.

Первую порцию коньяка Виктор проглотил как воду, даже не заметив, ЧТО он пьёт. Его знобило, и, несмотря на тёплую погоду, Саймонсу пришлось растопить камин. После второй порции Виктор немного пришёл в себя. Шок сменил стыд. Ему было неловко перед Саймонсом за демонстрацию своей слабости. Устроить истерику из-за того, что около часа провёл в темноте! Такое простительно разве что женщине или ребёнку. От стыда Виктор готов был провалиться сквозь землю.

– Сколько я там пробыл? – виновато спросил он.

– Не знаю, сэр, в доме нет часов, – ответил Саймонс, – позвольте приготовить вам ванну и постель.

– Конечно, Саймонс, спасибо.

Ещё две порции коньяка помогли ему заснуть.

Всю ночь Виктора преследовали кошмары. Он отбивался от страшных людей с масками вместо лиц, одетых в нечто похожее на монашеские рясы. Чтобы спастись, ему надо было исчезнуть, остановить мысли, избавиться от чувств, и тогда бы он стал недосягаемым для монстров, но предательский страх...

Проснулся он совершенно разбитым. Вставать не хотелось, но и оставаться в постели было тоскливо. Чтобы хоть немного привести себя в чувство, Виктор спустился к морю. Был абсолютный штиль, и поверхность воды была ровной, как стекло. Разбежавшись, Виктор нырнул. Вода была прохладной, и это приятно освежало. Он вернулся на берег, только когда возникла угроза утонуть от усталости. В приятном изнеможении Виктор упал на остывший за ночь песок. Когда стало холодно, он поднялся и бегом побежал вверх по лестнице. Приняв душ, Виктор спустился в гостиную.

– Извольте завтракать, сэр, – услышал он голос Саймонса, который совсем неслышно вышел из столовой.

Завтрак был скромным – овсянка, сдобная булочка с джемом и чай. Судя по недовольству желудка, завтракать Виктор привык более плотно.

– Скажите, Саймонс, а что вы вообще здесь делаете? – спросил он, закуривая сигару.

– Служу вам, сэр.

– Я имею в виду, что вас подвигло на это?

– Не знаю, сэр. Возможно, деньги. Возможно, у меня вообще не было выбора. Вы же не помните, как попали в этот дом. Я тоже. Всё, что у нас есть – это обрывки воспоминаний, причём неизвестно ещё, можно ли им доверять. И можно ли доверять вообще чему-нибудь на этом острове.

– Вас не пугают такие выводы?

– Пугают, сэр.

– По вам не скажешь.

– Это потому, что я позволяю себе бояться, сэр.

– Что?!

– Я позволяю себе бояться, сэр. Если позволите, я объясню, – произнёс Саймонс, увидев недоумение на лице Виктора.

– Будьте любезны.

– Вечером, когда стемнеет, я забираюсь в самое тёмное место и начинаю бояться всего, что только можно. Я думаю обо всех демонах, о том, что нас могут убить, обо всех неприятностях, которые могут случиться. Моё воображение буквально материализует все мои страхи, которые набрасываются на меня. Я чувствую, как они пытаются меня уничтожить, и боюсь. Я погружаюсь в страх настолько глубоко, насколько возможно, и что бы ни происходило, прохожу через это. Я принимаю свой страх, не отвергаю его, позволяю ему быть. Страх – это нечто естественное, заложенное в нас самим богом или природой. Это дар, и я с благодарностью принимаю его. И потом, когда мне становится страшно, я принимаю свой страх как друга.

– И что?

– Попробуйте, сэр, эффект весьма впечатляет.

– А вам не кажется, что вы слишком умны для того, чтобы быть обычным слугой?

– Возможно, раньше я не был слугой. А возможно, это ложные воспоминания. В любом случае, я не смогу ответить на этот вопрос, сэр.

– Хорошо, Саймонс, спасибо за совет.

– Не стоит благодарности, сэр.

В течение недели Виктор плавал или фехтовал до изнеможения, а вечером отправлялся в склеп, где отдавался страхам. Сколько раз он думал, что умирает или сходит с ума, но в действительности ничего этого не происходило. Внезапно он понял, что боится только часть его «я», тогда как сам он наблюдает за этим со стороны. При этом он мог по своему желанию либо погружаться в сводящий с ума ужас, либо отстранённо наблюдать за ним. От удивления он забыл, где находится и попытался вскочить на ноги. Удар головой о каменный потолок принёс ещё одно открытие: оказывается точно так же можно наблюдать и свою боль! Страх и тьма оказались освободителями, а не врагами.

Ночью Виктору приснилось имя: Жозефина. Только имя, но это имя наполнило его душу чувством невосполнимой утраты, любовью, страстью, тоской... Подушка была мокрой от слёз.

Следующую неделю он был одержим этим именем и буквально считал минуты до заката. Уединяясь в склепе, он пытался вытянуть из себя хоть что-то, что могло бы открыть ему тайну этого имени. Только в полном изнеможении, мучимый голодом и жаждой, он возвращался наверх. Постепенно им начало овладевать отчаяние.

– Похоже, вы слишком усердны, сэр, – заметил Саймонс после того, как Виктор пропустил один из тех ударов, которые человеку с его уровнем мастерства стыдно пропускать.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, переводя дыхание.

– Стучи, и тебе не откроют. Своими усилиями вы не позволяете воспоминаниям прийти. Это как сон, который нельзя призвать. Ему можно только покорно отдаться и ждать.

Виктор подозрительно посмотрел на Саймонса.

– Я лишь высказываю то, что приходит мне в голову, – пояснил тот, – но откуда у меня эти мысли – остаётся загадкой, сэр.

2

Весенний Париж жил своей жизнью. В многочисленных рестораниках и кафе посетители наслаждались едой и вином. По улицам прогуливались дамы и кавалеры. Одни – в экипажах, другие – пешком. Город любви и наслаждений оправдывал свою репутацию.

Виктор ходил среди этого великолепия и глотал слюни. В его жизни была очередная тёмная полоса. После того, как он по глупости связался с вольнодумцами (из-за чего пришлось покинуть Россию), в его жизни такие полосы случались всё чаще и чаще. На этот раз у него не было ни денег, ни жилья, ему даже нечего было продать. Он был готов на любую работу, пусть даже за стол и кров, но найти ничего не удавалось. Оставалось попрошайничать или грабить, однако ни тому, ни другому искусству он не был обучен.

Не зная, на что решиться, Виктор бесцельно слонялся по парижским улицам, наблюдая со стороны за праздником жизни, на который у него не было билета. Приближалась ночь, и надо было найти уютную подворотню, ещё не занятую другими такими же безбилетниками. Хуже всего было то, что сообразительная обычно голова была такой же пустой, как и желудок.

– Такое впечатление, что кто-то специально отгоняет любые хоть сколько-то полезные мысли, – сказал он себе, идя по тёмной безлюдной улице, куда его занесла судьба или предоставленные сами себе ноги. Виктор давно уже не стеснялся разговаривать с собой вслух.

Послышался стук копыт. Навстречу Виктору ехала слишком дорогая для этого района карета. Он заранее поспешил убраться с дороги, но экипаж остановился на расстоянии двух домов от Виктора. Сначала Виктор хотел было подбежать к экипажу, чтобы открыть дверь, – так можно было заработать пару медяков, – но одумался. Ночь, безлюдье, да и его внешний вид вполне могли заставить обладателей экипажа принять его за грабителя. И гарантированная в этом случае лишняя дырка в теле Виктора никак не устраивала.

Тем временем дверь экипажа открылась, и из него вышла прилично одетая дама. Едва она покинула экипаж, кучер поспешил убраться подальше. Открыв своим ключом дверь, дама вошла в дом. Буквально в следующую же секунду послышался сдавленный женский крик. Её там ждали, причём далеко не друзья. Недолго думая, Виктор бросился на помощь даме, но едва он вбежал в подъезд дома, как сильный удар по голове сбил его с ног...

Он пришёл в себя только около полудня: с обмороком от удара объединились голод и практически полное отсутствие нормального сна в течение длительного времени. Голова была забинтована, болела, но была на месте. Виктор лежал на огромной кровати в просторной, дорого и со вкусом обставленной комнате. На Викторе была дорогая пижама. От тела приятно пахло чистотой – прежде чем переодеть и уложить, его выкупали. Чистота! Только после бродячей жизни можно до конца осознать, какое это блаженство – ощутить себя чистым!

Виктор попытался встать, но сильная боль во всём теле, – удар по голове оказался не единственным подарком тех неизвестных друзей, – заставила его отказаться от этой затеи.

На тумбочке возле кровати рядом с подсвечником лежала записка, написанная красивым мужским почерком:

«Дорогой друг!

Доктор прописал Вам покой, так что можете наслаждаться им сколько угодно. Если Вам что-то понадобится – звоните. Если нет – тоже звоните. Буду рад с Вами познакомиться.

Ваш покорный слуга Джеймс».

Найдя шнур у изголовья кровати, Виктор несколько раз дёрнул за кольцо. Где-то вдали послышался звон колокольчика.

Через минуту в комнату вошёл изысканно одетый мужчина средних лет. Всё его существо буквально излучало силу и уверенность в себе, а глаза светились добротой и умом. Он был высокого роста, худой, но физически очень крепкий. Лицо его было приятным и говорило о том, что он принадлежит к числу породистых людей.

Хоть Виктор и вспомнил каждую деталь внешности этого человека, но то главное, что создаёт из деталей целое, от него ускользало. Встреть он его на улице, Виктор прошёл бы мимо, не узнав человека, сыгравшего важную роль в его судьбе.

– Добрый день, мсье, – сказал вошедший, – рад, что вам стало лучше. Моё имя – Джеймс Рид. Для вас просто Джеймс.

– Виктор.

– Доктор сказал, что вам нужно ещё несколько дней провести в постели. Сейчас я распорядюсь, чтобы вам принесли поесть, а потом мы сможем поговорить.

Сказав это, Джеймс позвонил. Слуга принёс в комнату поднос с чашкой бульона, кофе и круассаном. После своего вынужденного поста Виктор готов был съесть быка, и такой завтрак мог разве что ещё сильнее раззадорить чувство голода, которое несколько притупилось после безрезультатных попыток раздобыть хоть какую-то еду.

– Доктор предупредил, что к еде вас надо приучать постепенно, иначе может стать плохо, – пояснил Джеймс, понимая состояние Виктора.

– Прежде всего, – начал разговор Джеймс, когда Виктор закончил есть (во время трапезы они сохраняли молчание), – я хочу от всего сердца поблагодарить вас за ваш отчаянный поступок, благодаря которому моя дочь избежала огромных неприятностей. Можно даже сказать, что вы спасли ей жизнь.

– Но я ничего не успел сделать.

– Вы приняли огонь на себя, позволив, тем самым, выиграть время. Только благодаря этому всё обошлось.

– Что ж, я очень рад, что смог оказаться полезным вам и вашей дочери.

– А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с вами о деле.

Со стороны Виктора возражений не последовало.

– Пока вы лежали в беспомощности, я позволил себе навести о вас справки. Вы – Виктор Александрович Григорьев, русский дворянин, бывший офицер. Пять лет назад вы спешно бежали из России, боясь преследований со стороны властей за участие в антиправительственном заговоре. Во Франции ваша жизнь складывалась не очень удачно.

– И это ещё мягко сказано! – согласился Виктор. Он был поражён тем, насколько оперативно Джеймс смог о нём всё узнать.

– Учитывая всё это, я хотел бы предложить вам место моего секретаря. Надеюсь, вы не откажетесь?

– Я никогда не служил в подобной должности, – ответил Виктор. Он не хотел, чтобы им впоследствии начали тяготиться.

– На самом деле мне нужен верный надёжный человек, на которого я мог бы положиться. И владение оружием здесь будет важнее, чем навыки пользования пером. Соглашайтесь.

– Для меня это большая честь. Но вы не боитесь со временем разочароваться во мне?

– Вы верите в судьбу?

– Не знаю. Я об этом не думал.

– Мы встретились в результате целого ряда не зависящих от нашего пожелания событий. Так что считайте, что нас свёл сам господин Случай, а он знает в этих делах толк. Ладно, я вижу, возражений у вас нет. Детали обсудим, когда вы немного поправитесь.

Природное здоровье и хорошие условия жизни творили чудеса. Уже через несколько дней после этого разговора Виктор смог приступить к исполнению своих обязанностей, которые очень плохо сочетались с тем, что он привык понимать под обязанностями секретаря. Дни про-

ходили в усиленных занятиях стрельбой, фехтованием, рукопашным боем, верховой езде... Несколько часов в день он проводил за упражнениями, направленными на развитие скрытых способностей организма, медитацией и тренировкой ума. Он занимался изучением математики, истории, философии, и тех знаний, которые, после того, как они обросли толстым слоем глупости, суеверий и заблуждений, стали известны как оккультизм, магия Каббала, Таро... Обучали Виктора сам Джеймс, Патрик, который, будучи прекрасным воином, исполнял обязанности слуги, и человек, имени которого Виктор так и не узнал.

Также не знал он, ради чего его превращали в бойца-одиночку, способного эффективно действовать как самостоятельно, так и в группе, как на необитаемом острове, в чаще леса, так и в каменных джунглях на территории врага. Да он и не задумывался об этом – времени на праздные размышления у него просто не оставалось. К тому же у него были теперь дом, еда, хорошее отношение Джеймса и его друзей. Остальное не имело значения.

Жозефина, – так звали дочь Джеймса, – дома практически не появлялась. Её жизнь проходила в разъездах, так что родным домом для неё были кареты, каюты кораблей или купе вагонов поездов. Виктор видел её только один раз, в середине лета, когда она ненадолго вернулась домой.

Она сама нашла Виктора в саду, где он читал рекомендованную Джеймсом книгу.

Было ей чуть больше двадцати. Немного худая по меркам тех лет, она была чуть выше среднего роста. У неё было привлекательное лицо, точёные руки, густые тёмные волосы и удивительно красивые, выразительные глаза, чёрные, как ночь.

– Позвольте вас поблагодарить, – сказала она приятным голосом, – если бы не вы... Не знаю, что бы со мной было... надеюсь, вам здесь нравится?

– Если честно, мне некогда об этом думать, – с улыбкой на лице ответил он.

– Я очень рада, что вы остались с нами. Надеюсь, мы станем друзьями.

– Почту за честь.

Извинившись, она покинула Виктора. В тот же день она уехала из дома. А вечером Виктор поймал себя на том, что думает о ней.

– Этого ещё не хватало, – сказал он себе, понимая, что эта возникшая вдруг симпатия ни к чему хорошему не приведёт.

3

Воспоминания ворвались в сознание Виктора, как снаряд в пороховой склад. Он словно заново переживал все эти события, настолько ярко и чётко проносились они в его сознании. Он не сразу даже сообразил, что Саймонс брызгает ему в лицо холодной водой.

– Что случилось? – спросил он недовольно.

– Извините, сэра, но уже скоро полдень. Я пришёл узнать, всё ли в порядке, но вы были здесь без сознания. Я испугался, и...

– Всё нормально, Саймонс, я вспоминаю. Можете возвращаться.

– Извините, сэра, но вам надо поесть и хоть немного отдохнуть. Воспоминание отнимает огромное количество сил.

– Всё в порядке, Саймонс, я чувствую себя прекрасно.

– Ваши ощущения обманчивы, сэра. Поверьте, вам лучше подняться наверх.

Поняв, что Саймонс от него не отстанет, Виктор почувствовал досаду.

– Ладно, наверх так наверх, – недовольно согласился он.

Только выйдя из подвала, Виктор понял, насколько сильно устал. Его ноги подкашивались, а руки тряслись.

– Вам надо отдыхать, сэра, – отечески произнёс Саймонс, – иначе вы добьётесь полного истощения своей нервной системы задолго до того, как вспомните самое главное. С сегодняшнего дня я буду приходить за вами по утрам.

Механически проглотив завтрак или обед, Виктор кое-как обмылся под душем, и, едва добравшись до постели, провалился в тяжёлый сон.

Снилась ему голая степь или даже пустыня. Он был один с окровавленной саблей в руке. Со всех сторон на него нападали люди без лиц. Они были медлительные и неуклюжие, но их была тьма, а силы Виктора убывали с каждым ударом. И когда он был уже почти в их руках, его разбудил Саймонс.

– Пора, сэра, – солнце уже на горизонте.

Несмотря на паршивое настроение, самочувствие Виктора было в полном порядке. Сон придал ему сил.

– Утром я за вами зайду, – напомнил Саймонс, закрывая его в комнате воспоминаний.

4

Всю дорогу в Канн Виктор посвятил сну. Подумать только, практически сутки в абсолютном покое! Он чувствовал себя в раю. После нескольких месяцев ежедневных тренировок, занимавших практически весь день, сутки отдыха действительно были настоящим праздником. В 13.00 скорый поезд выехал из Парижа, а в 10.00 выспавшийся и довольный жизнью Виктор стоял на перроне Канна.

Назвав извозчику адрес виллы «Виктория», он попросил того не спешить, чтобы можно было в полной мере насладиться прекрасными видами, которыми так богат Канн. Окинув Виктора оценивающим взглядом, извозчик запросил с него непомерную плату, но Виктор не стал возражать.

– Главное, не жалею денег, – напутствовал его перед отъездом Джеймс, – и Виктор не собирался ему перечить, по крайней мере, в этом.

«Виктория» расположилась в настоящем царстве вилл на склоне горы, у подножия которой раскинулся подковой город. На вилле Виктора ждал управляющий.

– Месье Бертран? – спросил он, открывая Виктору дверь.

– К вашим услугам, – ответил Виктор.

– Желаете что-нибудь выпить? Чай, кофе, вино или что-нибудь покрепче?

– Благодарю вас, месье, не стоит беспокоиться.

– Тогда к делу. Как долго вы думаете пробыть в наших местах?

– Для начала месяц, а там посмотрим.

Решив вопросы аренды, Виктор оставил слуг разбирать вещи, а сам отправился на прогулку по Канну. Едва Виктор вышел на аллею, по обе стороны которой росли высокие деревья, дающие прохладу и тень, с ним поравнялся извозчик на достойном короля ландо.

– Месье желает осмотреть город? – спросил он.

– Да, но только так, чтобы по пути заехать в павильон художественной фотографии месье Ксавье. Знаете, где это?

– Месье может не волноваться. Всё будет в наилучшем виде.

Спустившись к морю, экипаж повернул на дорогу в Антиб, идущую берегом моря. За очередным поворотом открылся вид на залив Жуан, и Виктор попросил кучера ехать помедленней, чтобы можно было насладиться зрелищем стоящих в бухте кораблей. Едущий чуть поодаль за ними экипаж тоже снизил скорость.

– Подожди здесь, – сказал Виктор, когда возница остановил карету возле павильона с вывеской «Фотографические портреты месье Ксавье».

В холле павильона не было ни души, и Виктору несколько раз пришлось терзать звонок на стойке, пока из-за занавески, отделяющей конторку от других помещений, не появился упитанный господин лет шестидесяти, одетый в светлый летний костюм.

– Добрый день, месье. Чем могу быть полезен? – спросил он с дежурной улыбкой на потном лице.

– Месье Ксавье?

– Перед вами.

– Я пришёл забрать свой портрет.

– А я вас разве фотографировал? – удивлённо спросил он, окинув Виктора внимательным взглядом.

– Разумеется, иначе зачем мне было приходить? – невозмутимо ответил Виктор, кладя на стойку старинную монету.

– Прошу меня простить за то, что я вас сразу не вспомнил. Одну минуточку, – улыбка стала дежурно-подобострастной.

Он исчез за занавеской и появился через минуту с конвертом.

– Вот ваш портрет, месье.

– Благодарю вас.

– Всегда рад быть вам полезным.

Едва Виктор отъехал от павильона, как возле него остановился экипаж, который всё время следовал за Виктором. И кучер, и пассажир поспешно вошли внутрь. Буквально через несколько секунд они покинули павильон, сели в карету, каждый на своё место, и быстро поехали прочь.

– Подожди, давай вернёмся к павильону, – распорядился Виктор, внимательно наблюдавший за манёвром следивших за ним людей.

Месье Ксавье лежал посреди холла. Его горло было перерезано.

– На вокзал, быстро, – приказал Виктор, возвращаясь в карету.

Возница не стал задавать лишних вопросов. Он гнал своих лошадей так, что несколько раз Виктор думал, что они не впишутся в поворот. Но парень знал своё дело. Они приехали на вокзал как раз вовремя. Виктор едва успел купить билет и сесть в поезд. Разумеется, он не забыл отблагодарить сообразительного кучера.

В купе кроме него никого не было. На всякий случай Виктор снял с предохранителя пистолеты и положил в карман пиджака нож с выстреливающим лезвием. Едва он разобрался с оружием, в дверь купе постучали. Вошёл проводник.

– Добрый день, месье, ваш билет, – устало спросил он.

Виктору что-то не понравилось в голосе или в манере поведения проводника, и он, делая вид, что ищет билет, инстинктивно сунул руку в карман, где лежал нож.

– Извините, совсем забыл, что специально положил его...

Проводник не дал Виктору договорить. Выхватив нож, – нарушать тишину звуками выстрелов не входило и в его планы, – он кинулся на Виктора. Если бы не предчувствие, тому бы пришлось несладко. Проводник не был готов к тому, что его противник ожидает нападения, и это стоило ему жизни. Убедившись, что проводник мёртв, Виктор выбросил его тело в окно.

Не успел Виктор привести себя и купе в порядок, как появился настоящий уже проводник.

– Месье чего-нибудь желает? – спросил он, проверив билет.

– Я хочу выспаться, поэтому буду счастлив, если до самого Парижа меня никто не побеспокоит, – ответил он, кладя в карман проводника аккуратно сложенную купюру.

– Будет исполнено.

После того, как проводник ушёл, Виктор запер дверь купе, затем выбрался через окно на крышу вагона.

– Да, это не купе первого класса, – сказал он себе, устраиваясь на крыше.

Ближе к ночи начался дождь, и чтобы сохранить письмо, Виктор спрятал конверт в бумажнике. Бумажник он засунул себе за пазуху и лег на живот. Летний пиджак и рубашка быстро намокли, и холодный ветер пробирал Виктора до костей. Холод сводил с ума, но возвращаться в купе было опасно. Вряд ли лжепроводник был единственным врагом в этом поезде.

Не доезжая несколько километров до Парижа, Виктор на ходу спрыгнул с поезда. Он понимал, что в мокром, измазанном грязью дорогом костюме, он будет привлекать к себе внимание всех и каждого, поэтому ни о каком возвращении в таком виде не могло быть и речи. Так, размышляя, что ему предпринять, Виктор набрёл на костёр на берегу реки, возле которого сидело четверо бродяг. Они готовили еду.

– Доброе утро, месье, – поздоровался он, – можно погреться у вашего костра?

– За тепло денег не возьмём, – ответил один из них.

Виктор подсел к огню. Судя по разговорам, эти люди шли в Марсель в поисках работы или приключений.

– Прошу прощения, господа, что вмешиваюсь в ваш разговор, но я хотел бы предложить вам небольшой обмен, – сказал он, немного согрившись.

– И что вы хотели бы обменять? А, главное, на что?

– Свою одежду на вашу. На мне вполне ещё приличный костюм, и после стирки и утюга он будет выглядеть вполне сносно. Могу к нему добавить пару франков.

– А туфли? – поинтересовался бродяга, которому приглянулись дорогие и совсем ещё новые туфли.

– Это само собой, – согласился Виктор.

Уже через пару часов выглядевший бродягой Виктор вошёл в Париж. В своё время нужда научила его становиться в нужное время незаметным, и теперь он легко смог найти ту часть города, где его никому не пришлось бы в голову искать.

В одной из любимых забегаловок парижского отребья он поел и выпил бутылку дешёвого вина. Захотелось спать, но расслабляться было нельзя. Только после полуночи он решил, что можно попытаться счастья.

У дома Джеймса было тихо. Скорее всего, противник не рисковал выходить на откровенное противостояние, предпочитая действовать на нейтральной территории. Убедившись, что посторонних поблизости нет, Виктор перемахнул через забор. Едва оказавшись во дворе, он услышал за спиной тихий и совершенно спокойный голос Безымянного:

– Стой и не шевелись, иначе буду стрелять!

– Не стреляй, это я, Виктор!

– Что ты здесь делаешь в таком виде? – удивлённо спросил Безымянный, вешая ружьё за спину.

– Долгий разговор. У меня срочное послание для Джеймса.

– Пойдём. Он тебя ждёт.

Джеймс сидел в кресле в гостиной и пил бренди. Внешне он выглядел безмятежным.

– Будешь? – спросил он, предлагая Виктору напиток.

– С удовольствием, но сначала я бы хотел принять ванну.

– Письмо с тобой?

– Да, но это ещё не всё. Кое-что произошло по дороге.

– Это уже не важно. Главное – письмо.

Виктор протянул Джеймсу конверт.

Внутри был лист бумаги, на котором аккуратным почерком было написано одно единственное слово: мужское имя.

– Итак, господа! – оживился Джеймс, – собирайтесь, мы едем на юг, в Лангедок. Извини, Виктор, придётся тебе обойтись без ванны. Время есть только переодеться.

5

Саймонсу вновь пришлось уговаривать Виктора, словно маленького ребёнка, покинуть подземелье. Наверху тот сразу же направился в спальню, чтобы, не раздеваясь, рухнуть в постель, но слуга его остановил:

– Ванна и завтрак уже ждут, сэр.

– Я не хочу, – отмахнулся Виктор.

– Прошу прощения, сэр, но так как на карту поставлена и моя жизнь...

– Давайте без предисловий, – перебил его Виктор, даже не пытаясь скрыть своё раздражение.

– Если вы потеряете форму, вы не сможете вспоминать, и тогда...

У Виктора появилось желание придушить слугу собственными руками, но сил не было даже на то, чтобы продолжать спор. К тому же Виктор понимал, что Саймонс прав.

– Ладно, Саймонс, чёрт с вами, давайте ванну, – раздражённо сказал он.

В постели Виктор провалялся весь день. Встал он только, когда Саймонс пришёл сообщить, что солнце клонится к горизонту. Взлохмаченный и небритый Виктор спустился в столовую, где его ждал сытный ужин.

Саймонс был холодно почтителен.

– Вы хотите что-то сказать? – спросил Виктор, которого это раздражало.

– Простите, сэр, но вам надо за собой следить. Иначе вы потеряете форму задолго до того, как сможете всё вспомнить. Вы ведь не хотите, чтобы всё закончилось инфарктом или апоплексическим ударом?

– Что вы предлагаете?

– Вам надо возобновить свои занятия плаванием и фехтованием.

– У меня нет сил даже спорить.

– И, тем не менее, сэр, вам стоит хотя бы попробовать.

– Вы предлагаете сделать это прямо сейчас? – съязвил Виктор.

– Думаю, наилучшим временем будет пара часов перед ужином, сэр.

– Хорошо, напомните мне об этом завтра.

– С удовольствием, сэр.

6

Если бы не кровососущие насекомые, которых Виктор приобрёл вместе с одеждой у бродяг, дорога в Лангедок принесла бы ему массу удовольствия. Она проходила по живописным местам. К тому же, несмотря на спешный отъезд из дома, лошадей решено было не гнать. Но уже само понимание того, что по телу ползают отвратительные твари, превращало для него поездку в ад. Конечно, будучи бродягой, Виктору приходилось мириться со вшами, но хорошая жизнь вернула ему брезгливость. Из-за вшей путешественникам пришлось даже остановиться в какой-то придорожной деревушке задолго до того, как наступил вечер.

– Думаешь, здесь мы найдём средство от этих монстров? – спросил Джеймса Виктор, скептически окинув взглядом двухэтажный сарай, носивший название «Счастливого путника».

– Всеми своё время, – ответил Джеймс.

– Скажите, любезная, – поинтересовался он у хозяйки, пожилой женщины с добрым, усталым лицом, в вашем заведении можно принять ванну?

– Разумеется, месье. Когда вам будет угодно.

– Тогда приготовьте её для моего друга. Он просто жить не может без горячей воды.

– Одну минуту, месье, – засуетилась она, – а пока позвольте показать ваши номера.

Джеймсу и Виктору достались бедно обставленные, но чистые комнаты. Кровати были застелены не новым, но чистым бельём. Патрику и Безымянному, которого хозяйка приняла за второго слугу, была предоставлена одна комната на двоих. Они не стали возражать.

Едва Виктор открыл чемодан, вошёл Джеймс.

– Вот видишь, дорогой мой друг, не всё так плохо, как тебе кажется, – сказал он, закрывая за собой дверь. – Через несколько минут к твоим услугам будет горячая ванна, и уже завтра ты будешь с жалостью вспоминать о своих кусачих друзьях.

– Не думаю. К тому же вряд ли эти твари не умеют плавать, – возразил Виктор.

– О, для них у меня есть сюрприз, – Джеймс поставил на тумбочку пузырёк с маслянистой жидкостью цвета оливкового масла.

– Где ты это нашёл? – удивился Виктор.

– Предусмотрительно захватил из дома.

– И всю дорогу молчал?!

– Ты бы всё равно не смог этим воспользоваться. Ладно, желаю удачи.

Едва за Джеймсом закрылась дверь, Виктор скинул с себя одежду и принялся с остервенением натираться средством от вшей. Комната наполнилась резким, неприятным запахом, который начал разъедать глаза. Виктор едва дождался приглашения в ванную.

– Прополоскайте вот в этом, – попросил он служанку, всучив ей свою одежду и бутылочку с лекарством.

Ночью Виктор не смог сомкнуть глаз из-за вызванного ядом страшного зуда и вони, против которой мыло оказалось бессильным. Утреннюю зарю он встретил как избавление. За дверью послышались долгожданные шаги.

– Вы просили разбудить на рассвете, месье, – сказала хозяйка, заглянув в комнату, и закашлялась от едкого запаха яда.

Если бы не Джеймс, она наверняка закатила бы скандал ещё вечером, когда Виктор, источая нестерпимую вонь, ринулся в ванную. Но Джеймс...

– Можно вас на пару слов, мадам? – спросил он, беря её за руку, когда она шла приглашать Виктора в ванную, – дело в том, что наш друг опасно болен... О нет, не беспокойтесь, эта болезнь не передаётся, иначе мы бы не путешествовали с ним в одном экипаже, – поспешил он заверить её, почувствовав, что она напряглась. – Его болезнь не опасна для окружающих и даже не заметна на первый взгляд. Но лекарство... Оно имеет специфический запах... Вы

понимаете? – и прежде, чем она успела открыть рот, Джеймс продолжил. – Надеюсь, вы проявите к нему сострадание и такт.

Говоря это, он положил в карман фартука хозяйки крупную купюру, достаточную для того, чтобы превратить её в ангельски милую женщину.

Сытно позавтракав, путешественники покинули гостиницу. Свежий утренний воздух немного поднял настроение Виктора, но едва он приблизился к карете, в нос ударил тот же едкий запах, заставивший Виктора отскочить от кареты, словно там пряталась ядовитая змея.

Это вызвало у его спутников приступ громкого смеха.

– А как ты хотел. Твои друзья наверняка расползлись по карете, – объяснил сквозь смех Джеймс. – Ничего, мы откроем окна. К тому же подобные неприятности только закаляют дух и учат терпению и смирению.

– Ты говоришь, как проповедник, – ответил Виктор, которого практически выворачивало от запаха яда.

– Моё смирение трудно назвать христианским, – ответил на это Джеймс, – я призываю смиряться только с теми обстоятельствами, над которыми мы не властны. Летом мы должны смиряться с жарой, зимой – с холодом. Во время дождя – с сыростью, и так далее. Моё смирение заключается в том, чтобы позволять происходящему быть.

– Хочешь сказать, что если я вот так просто смирюсь со своим зудом и с этой сводящей с ума вонью...

– А ты попробуй.

Дорога заняла несколько дней. Всё это время Джеймс ни разу даже не заикнулся о том, куда они едут, и только когда впереди показался Лину, он сообщил, что едут они в Ренн-Ле-Шато. Эта полная тайн деревня находилась на вершине холма, куда вела извилистая дорога. Когда путешественникам открылся вид на снежные вершины Пиренеев, возвышающихся над долиной Од, они остановили карету, чтобы в полной мере насладиться столь захватывающим зрелищем.

– Глядя на эту кучку деревенских домов, трудно себе представить, – сказал Джеймс, – что несколько веков назад на этом месте был большой, сильный город Редэ, такой же могущественный, как Каркассон и Нарбонна. Раньше здесь было царство катаров, религии, которая в своё время поставила под угрозу существование христианства. Это был далёкий от тирании мир, и, если бы не организованный римской церковью крестовый поход, в результате которого были вырезаны практически все жители Лангедока, включая женщин и детей, эпоха ренессанса могла бы начаться уже в XIII веке.

Виктор с удивлением обнаружил, что на многих дверях изображены знаки зодиака.

– Эта земля – родина множества тайн, – сказал Джеймс, заметив удивление Виктора, – и с одной из них, возможно, нам предстоит познакомиться уже в скором времени.

Карета остановилась возле причудливого здания, нависшего над крутым берегом. Оно словно бы служило продолжением утеса, и было похоже на небольшую средневековую башню. Крепостная стена соединяла его с оранжереей. За башней начинался прекрасный сад, на другой стороне которого находился дом, построенный с необычайной роскошью.

– Мы на месте, господа, – сообщил Джеймс, выходя из кареты. Остальные последовали за ним.

Джеймс постучал в дверь. Открыл мужчина 40–45 лет, одетый в домашний халат.

– Отец Беранже Соньер? – спросил Джеймс.

– К вашим услугам, месье.

– Моё имя – Джеймс. У меня для вас рекомендательное письмо, – он протянул священнику конверт.

Соньер пробежал глазами письмо. На его лице появилось выражение крайней степени удивления.

– Прошу вас, господа, – произнёс он, приглашая путешественников в дом.

Внутри башня была забита стеллажами книг.

– Эта башня служит мне библиотекой, – не без гордости пояснил Соньер, – а это мой кабинет, – сказал он, пригласив путешественников в обставленную со вкусом, которому не мешала нехватка денег, комнату.

– Желаете выпить? – спросил он, усадив гостей в удобные кресла.

– О, не стоит так беспокоиться, – запротестовал Джеймс, – мы и так оторвали вас от дел.

– Вы оторвали меня разве что от безделья. К тому же...

– У нас к вам будет пара вопросов, – не дал ему договорить Джеймс.

– Я к вашим услугам, господа.

– Нас интересуют события 1891 года.

– Боюсь, господа, я не смогу удовлетворить ваше любопытство, – помрачнел Соньер.

– Я не так выразился, господин Соньер, – поспешил исправить положение Джеймс, чувствуя, что ещё минуту назад столь гостеприимный хозяин готов выставить их за дверь, – нас не интересуют ТЕ обстоятельства, которые полностью изменили вашу жизнь.

– Что же тогда вас интересует? – в голосе Соньера послышалось удивление.

– В 1891 году, перестраивая свои владения, вы кое-что обнаружили, и мы прекрасно понимаем, что ЭТО нас не касается. Одновременно с ЭТИМ, вы обнаружили тайник, в котором лежал деревянный ларец вот с таким рисунком на крышке, – Джеймс положил на стол лист бумаги (по понятным соображениям я не могу открыть читателю содержание этого рисунка). К счастью для всех нас, у вас хватило ума не вскрывать ларец.

– Я просто не смог этого сделать, а ломать его не поднялась рука, – вставил Соньер.

– В любом случае ларец остался нетронутым, – продолжил Джеймс, – чуть позже, встречаясь с друзьями, вы рассказали им о своей находке. Они посоветовали вам отдать ларец тому, кто за ним придёт.

– Всё верно. И я поступил именно так, как мне рекомендовали.

– За ларцом уже приходили?

– Буквально пару месяцев назад.

– Как звали этого человека?

– Я уже не помню, но вряд ли он назвал мне своё настоящее имя.

– Вы правы. А внешность его вы запомнили?

– Не настолько, чтобы описать по памяти.

– У меня есть один портрет.

– Думаю, я узнаю, если это он.

Джеймс положил на стол написанный маслом небольшой портрет.

Соньер кивнул головой.

– Благодарю вас, господин Соньер, вы оказали нам неоценимую услугу.

Джеймс поднялся на ноги.

– Позвольте предложить вам ужин и постель, – сказал Соньер, видя, что гости собираются уходить.

– Примите нашу благодарность, но мы не станем стеснять вас своим присутствием.

– Ну что вы, какие стеснения. У меня достаточно просторный дом. И потом, мой долг предоставить вам пищу и кров.

– И, тем не менее, мы вынуждены отказаться. Дорога к вам оказалась слишком лёгкой и спокойной, а это не к добру. Поэтому позвольте нам удалиться.

– Что ж, не буду настаивать.

– Кстати, если нами будет кто-нибудь интересоваться, говорите правду. Эти люди в любом случае узнают то, что им надо, так что не стоит подвергать себя риску. Тем более в вашем положении. Прощайте.

– Прощайте, господа, и да поможет вам ОНА.

Виктор ничего не понял из этого разговора, но, тем не менее, вопросы задавать не стал. Патрик и Безымянный вообще не были склонны любопытствовать. Так что Ренн-Ле-Шато покидали молча.

– Где будем ночевать? – нарушил молчание Патрик, когда они спустились с холма.

– Решай сам, – ответил Джеймс, который всю дорогу не выходил из состояния задумчивости.

– Тогда заночуем в Коузе. Он ближе всего.

Возражений ни у кого не было, и вскоре карета въехала в маленький городок, расположившийся у дороги. Гостиница в городе была одна – «Млечный путь». На удивление она оказалась вполне приличной.

На этот раз путешественники сняли четыре номера. После плотного ужина они собрались ложиться спать, но Джеймс попросил всех прийти к нему в номер. Патрик и Виктор уже успели раздеться.

– Друзья, – начал Джеймс, когда все собрались в номере, – мне действительно не нравится сопровождающая нас тишина. Думаю, не обойдётся без небольшой войны. Поэтому я попросил бы вас одеться, привести в порядок оружие и вернуться сюда. На всякий случай запоминайте адрес. Если что, встретимся там.

Он назвал дом в Тулузе и имя владельца.

– Будем спать на полу, – решил Джеймс, когда они собрались вновь в его номере, теперь уже в полной боевой готовности, – дежурить предлагаю по два часа. Очередность пусть решит жребий. Виктор должен был дежурить третьим. На этот раз он уснул, едва лёг.

Проснулся он оттого, что кто-то осторожно толкал его в бок, зажав ему рот рукой.

– Они здесь, – прошептал на ухо Патрик.

– Приготовьтесь, – также шёпотом приказал Джеймс, взводя курок пистолета.

Остальные последовали его примеру. Когда в замочной скважине появился ключ, Джеймс выстрелил несколько раз в дверь. Послышались крики и ругань. Как минимум один из нападавших был ранен или даже убит.

– Пошли! – приказал Джеймс.

Он схватил тумбочку и с необычайной силой швырнул в дверь. Одновременно с этим Патрик двумя выстрелами выбил замок. От удара тумбочки открывающаяся наружу дверь слетела с петель и с шумом рухнула на пол. Дверь ещё падала, а Безымянный уже рыбкай нырнул в дверной проём, стреляя в полёте одновременно из двух пистолетов. Следом за ним из номера выскочили все остальные. Несмотря на численное превосходство (их было более 10 человек только на втором этаже, где поселились наши друзья), нападавшие, рассчитывавшие взять путешественников сонными в постелях, опешили от такого отпора. Вскоре коридор был очищен от незваных гостей.

Спускаться по лестнице было нельзя, так как внизу наверняка поджидала засада. Поэтому, взломав дверь одного из пустых номеров, они выпрыгнули в окно. Приземление Патрика было неудачным – он сильно подвернул себе ногу.

– Бегите, – крикнул он, – я прикрою.

– Расходимся! – приказал Джеймс, и друзья бросились в разные стороны.

Оставшись один, Виктор принялся петлять по городским улицам. Только очутившись в лесу за городом, он остановился, чтобы отдышаться. Погони не было. Друзей тоже. Он снова был один на всём белом свете. Правда, в кармане лежала внушительная пачка денег, а в голове был адрес дома, где жили свои. Но до Тулузы ещё надо было добраться. Пересчитав деньги, Виктор понял, что с такой суммой он может отправиться в любую другую точку планеты, где никто не слышал ни о Джеймсе, ни о тех, кто всеми силами пытается ему помешать. Но Виктор

уже знал, что поедет именно в Тулузу, а пока надо было уйти подальше от столь негостеприимного Коуза.

Было уже светло, когда Виктор услышал стук копыт. Он укрылся в придорожных кустах и вскоре увидел одинокого всадника, который ехал ему навстречу. Судя по одежде и кляче, на которой он восседал верхом, он был не из богатых. Не крестьянин и не солдат. Скорее всего, мелкий служащий, – пришёл к выводу Виктор. Убедившись, что он один, Виктор решил действовать.

– Доброе утро, месье, – сказал он, выходя на дорогу с пистолетом в руке, – вы не представляете, как я рад вас видеть. Думаю, вас послало мне само провидение.

Тот буквально оторопел от неожиданности.

– Позвольте попросить вас спешиться.

Тот безропотно слез с коня.

– Я всё отдам, только не убивайте! – взмолился он.

– О, вы слишком щедры, месье! благодарю вас, но мне нужна только ваша лошадь.

Виктор понимал, что своей любезностью он еще больше пугает встреченного бедолагу. Не то, чтобы он хотел поиздеваться над парнем, скорее, его душа требовала разрядки, пусть даже в такой форме.

– Я всё отдам, – ещё рез повторил бедолага. И по той жалости, с которой он расставался со своей клячей, было видно, что она и есть это «всё».

– Сколько вы за неё хотите? – спросил Виктор, беря в руки поводья.

– Что? – не понял его собеседник.

– Сколько вы хотите за лошадь?

– Вы хотите её купить?! – тот не верил своим ушам.

– Ну не грабитель же я.

– А кто же? Простите... – скорее испугался, чем смутился собеседник Виктора.

– Я попал в очень сложную ситуацию, и мне позарез нужна лошадь. Но я не хочу отбирать её просто так. К тому же вы человек не богатый.

– Я купил её на последние деньги, – признался собеседник, – я получил место учителя и, продав лошадь, надеялся хоть как-то обустроиться на новом месте.

– Столько хватит? – спросил Виктор, отсчитывая сумму, чуть ли не вдвое превышающую стоимость лошади.

– Ещё бы! – обрадовался собеседник.

– Надеюсь, с деньгами вы примете и мои извинения.

– Ну что вы, какие извинения! Я должен благодарить судьбу, что повстречал вас! – воскликнул будущий учитель, всё ещё не веря тому, что вместо лишений или даже смерти судьба таким вот образом дала ему в руки деньги, в которых он так нуждался.

– Удачи, месье.

Попрощавшись, Виктор вскочил на лошадь. Его путь лежал в Тулузу.

7

Как и было обещано, Саймонс разбудил Виктора «на пару часов» раньше обычного. Часов, как я уже говорил, у них не было, и Саймонс примерно ориентировался по солнцу.

– Выпейте, сэр, это должно вас взбодрить, – сказал он, подавая Виктору чашку зелёного чая.

Когда Виктор взял чашку, его руки тряслись. Он был явно не в форме.

– Ладно, Саймонс, с чего предлагаете начать? – спросил он, кое-как одевшись.

– Для начала, сэр, я бы предложил вам немного поупражняться в фехтовании на свежем воздухе. Погода сегодня просто создана для этого.

Действительно, днём прошёл дождь, и теперь было немного свежо, но не холодно. Но Виктор не замечал этого. Он с трудом удерживал шпагу, словно она была в десятки раз тяжелей, чем обычно. Самые элементарные движения давались ему с огромным трудом.

– Ещё немного, и я точно отправлюсь на тот свет, – сказал он, в очередной раз роняя шпагу.

– Напротив, сэр, как только тело поймёт, что вы не оставите его в покое, вам станет значительно лучше.

И точно, минут через двадцать Виктор уже мог парировать простейшие удары Саймонса. После фехтования он даже захотел немного поплавать, правда, заплывать далеко от берега не решился. Впервые с того момента, как он начал вспоминать, у Виктора проснулся аппетит.

– Послушайте, Саймонс, – сказал он за ужином, – мне всё больше кажется, что вы не просто слуга. Признайтесь.

– Думаю, вы правы, сэр. Скорее всего, я здесь ещё и для того, чтобы присматривать за вами и корректировать детали эксперимента. Иначе откуда бы я мог знать, как вам должно поступать в различных ситуациях.

– Может, вы просто всё мне расскажете, и дело с концом?

– Такой поворот событий предусмотрен экспериментом, поэтому я, как и вы, тоже лишён памяти.

– Да, но вы всегда знаете, что надо делать, а это далеко не мой случай.

– Именно так, сэр, я именно ЗНАЮ, что надо делать, но знаю ситуативно, сэр. Это знание появляется только тогда, когда приходит время что-то делать.

– Ладно, Саймонс, закончим этот бесполезный разговор.

– Как вам угодно, сэр.

8

Патрика хоронили в безлюдном месте на берегу небольшой речушки. Джеймс сумел каким-то образом получить его тело. Не было ни слёз, ни могилы, ни отпевающего тело священника. Да и сама процедура, скорее, напоминала проводы в длительную командировку. Облачённое в мундир английского офицера тело Патрика сидело в легком кресле посередине просторной лодки, откуда заранее были убраны остальные сиденья. Правая рука Патрика опиралась на тяжёлый боевой меч старинной работы (она была к нему привязана). На коленях лежала ветка омелы. Всё свободное место было заполнено дровами, сложенными так, чтобы они лучше горели. Дрова, одежда, да и сама лодка были обильно смочены керосином.

Стоявшую всю неделю жару сменило похолодание. Накрапывал мелкий противный холодный дождь. Не прибавлял настроения и дующий порывами холодный ветер.

Не было и особой торжественности. Все присутствующие: Виктор, Джеймс, Безмянный и месье Вальтер, любезно приютивший их в Тулузе, были одеты в обычную, повседневную одежду. Только голову Джеймса венчал дубовый венок, а в руках он держал деревянный скипетр. Кроме них на церемонии присутствовал слуга месье Вальтера, Жак, выполняющий всю черновую работу, связанную с погребением. Он хлопотал возле кареты.

На безопасном расстоянии от лодки горел костёр.

После того, как все попрощались с Патриком, Жак по знаку Джеймса оттолкнул лодку от берега. Затем он раздал всем присутствующим луки и стрелы. На каждой стреле возле наколенника была намотана пропитанная керосином тряпка. Подойдя к костру, участники церемонии зажгли стрелы и выстрелили из луков по лодке, которая загорелась уже после первого залпа. Тем не менее, по ней были выпущены все стрелы до единой.

Участники церемонии молча наблюдали за лодкой, пока она не скрылась за поворотом реки. Затем они сели в карету и отправились в обратный путь.

– А я и не знал, что он был офицером, – нарушил молчание Виктор.

– Он был воином-друидом, который был вынужден играть роль офицера, слуги и многие другие, – ответил ему Джеймс.

Виктор немного знал о друидах. В обществе поклоняющихся природе кельтов это был особый класс посвящённых хранителей мудрости и традиций племени, осуществляющий связь богов и людей. Они слагали стихи, составляли календари, знали, как совершать ритуалы и жертвоприношения, умели толковать предзнаменования...

Это была замкнутая, но не наследственная каста жрецов, свободная от всех общественных повинностей, налогов и военной службы. Друиды были не только религиозными деятелями, но также законоведами, судьями, врачами, хранителями знания, и вообще всей духовной культуры народа. Будучи единственными знатоками закона, друиды держали в своих руках все важнейшие государственные и частные дела. Им удалось даже присвоить право решать вопросы войны и мира.

Друиды вступали в брак, но обыкновенно вели замкнутую созерцательную жизнь в священных дубовых рощах.

Для друидов низших степеней посвящения глубокое символическое значение имели серп луны и рог изобилия с луной на нём. Для высших – яйцо змеи, весьма древний мистический символ жизни, и священная омела. Её одетый в белое друид срезал золотым ножом с вершины дуба. Это сопровождалось особой церемонией.

Руководил общиной верховный жрец. Знаками его достоинства были скипетр и дубовый венок. Верховный жрец избирался пожизненно, и только после его смерти проводились новые выборы.

Новообращённые друиды давали обет хранить в тайне всё то, чему их впоследствии обучали. Они вели тихую, уединённую жизнь. Обучение проводилось в местах, куда не мог попасть посторонний. Оно было долгим, и временами растягивалось на 20 и более лет.

Среди друидов были как мужчины, так и женщины. Мужская часть, в свою очередь, разделялась на три разряда: собственно жрецами были *дризиды* или *сенани*. Они хранили тайные знания, руководили судебными процессами и государственными делами. *Ваты* или *эвбаги* заведовали священными обрядами и выполняли весь сложный церемониал заклинаний, прорицаний и волшебства. Кроме того, в их обязанности входило обучение новых членов правилам богослужения. Они же занимались астрономическими наблюдениями и календарными вычислениями. В их руках также находилось и врачебное искусство. *Барды* сопровождали войска во время походов, своими песнями пробуждая у воинов мужество. На религиозных празднествах они пели хвалебные песни в честь богов, а во время пиров воспевали древних героев. Женщины были жрицами богинь и выполняли те жертвоприношения, которые позволено выполнять только женщинам. Они занимались волшебством и прорицанием. Одни жрицы заведовали хозяйством в домах друидов, другие оставались целомудренными.

Наибольшее значение имело тайное учение друидов о судьбе человеческой души после смерти. Друиды верили в личное бессмертие и переселение душ. Покинувшая тело душа, прежде чем добиться вечного успокоения, должна была предварительно очиститься путём долгого странствования, во время которого она вселялась в животных, людей и растения. Когда же душа достигает необходимой чистоты, перевозчики мертвецов перевозят её на остров блаженных, где она будет вечно наслаждаться под сенью прекрасных яблонь.

Поздним вечером, когда Виктор уже готовился лечь в постель, к нему в комнату пришёл Джеймс.

– Извини, что так поздно, но тебе следует кое-что знать, – сообщил он. – С давних пор деятельность нашей группы тесно связана с неким предметом, который носит название Зеркало Пророка. Ни имени этого Пророка, ни даже примерного времени его жизни мы не знаем. Всё это навсегда было похоронено историей. Изначально это зеркало хранилось в Главной башне королевского дворца в городе, над которым солнце движется с запада на восток. О том, как зеркало попало в наш мир, рассказывает легенда, которую мы передаём из поколения в поколение.

Легенда о Зеркале Пророка

Юный принц Грей ехал по лесной дороге на своём коне, напевая весёлую песню. Он был счастлив. Ещё бы! Сегодня на балу должны были объявить о его помолвке с Мартой – дочерью старинного друга отца, великого герцога Грэма. Этот брак был одним из тех редких исключений, когда расчёт не противоречил любви. Принц Грей и Марта давно уже испытывали друг к другу нежные чувства, которые со временем становились только сильнее.

Из мечтаний его вывели крики о помощи, доносившиеся из леса. Недолго думая, принц прищпорил коня и помчался на крик. Вскоре он увидел ужасную картину. К дереву был привязан монах – аскетического вида мужчина преклонного возраста. Вокруг него суетились трое крепких, высоких парней в длинных, чёрных одеждах с капюшонами, скрывающими их лица. Они пытали монаха, прижигая его худое тело огнём. Монах истошно кричал и звал на помощь.

Принц Грей выхватил меч.

– Именем короля приказываю вам прекратить! – приказал он.

– Не вмешивайтесь, принц, это дело вас не касается, – сказал один из молодчиков.

– Меня касается всё, что происходит на земле моего отца, – ответил ему принц.

– Вы не понимаете, во что ввязываетесь. Езжайте своей дорогой. Вас ведь ждёт возлюбленная, не так ли?

Принца удивило то, насколько эти люди осведомлены о его делах, но он не подал вида.
– Вы либо добровольно последуете со мной на суд моего отца, либо я отведу вас туда силой.

Молодчики выхватили мечи, которые были у них под одеждой. Начался бой. К счастью, принц был прекрасным фехтовальщиком, способным постоять за себя и перед более сильным противником. Вскоре один из нападавших был убит, а остальные бросились бежать.

– Благодарю тебя, храбрый принц, – сказал монах, когда тот отвязал его от дерева и помог перевязать раны.

Затем принц снял капюшон с головы убитого. Это был незнакомый мужчина явно знатного происхождения со странной татуировкой на лице. На лбу, прямо над переносицей, у него была выколота слепая глазница, лишённая глаза. Такого принцу ещё не доводилось видеть.

– Кто эти люди, и чего они от тебя хотели? – спросил монаха принц, – на разбойников они не похожи, да и ты не из тех, кем могут заинтересоваться грабители.

– Эти люди – служители сил тьмы. А хотели они узнать, где хранится Зеркало Пророка, и кто тот избранный, для кого Пророк его сделал.

– Это зеркало дарует силу и власть? Наделяет здоровьем и долголетием? Защищает от смерти, ранений и колдовства? Или позволяет находить спрятанные под землёй сокровища?

– Оно не делает ничего из того, о чем ты сейчас говорил, принц, – ответил монах, – это зеркало позволяет заглянуть в самую суть себя и увидеть своё внутреннее лицо, которое есть Лицо Господа. Это то, о чём мечтали и мечтают лучшие из мудрецов, как древних, так и тех, кто ныне живёт среди нас.

– И что это даёт? – спросил принц, который не понимал, о каком лице говорит этот странный монах.

– В обычной практической жизни ровным счётом ничего.

– Тогда я тем более не понимаю, зачем оно нужно?

– Есть и другая жизнь, принц.

– Другая жизнь меня не интересует.

– Кто знает, принц. То, что не интересует сейчас, становится наваждением завтра, и наоборот. Так что, если захочешь, ты сможешь меня найти на берегу озера под Древним дубом.

Дома принц рассказал обо всём отцу.

– Ты действительно зря ввязался в эту историю. Я слышал об этих людях. Они не из тех, кто любит шутить, а в бою им нет равных. И то, что ты в одиночку одолел троих, говорит лишь о том, что они сами того захотели. А о том монахе давно ходят нехорошие слухи. Говорят, он отрёкся от служения Богу ради могущества колдовства. Однажды, когда был особенный неурожай, крестьяне решили, что это дело его рук. Они отправились в лес, чтобы проучить монаха, но так и не смогли к нему подойти. Монах наслал на них такой ужас, что они в панике бросились бежать. И это те люди, которые с ножом смело идут на медведя.

– Послушай, отец, разве не ты всю жизнь учил меня жить по законам чести, быть справедливым и всегда защищать слабых?

– Ты прав, сын мой. Ты действительно не мог проехать мимо, но тебе совершенно не нужно было слушать этого монаха. Ну да что теперь об этом говорить. Дело сделано. Будем надеяться, что всё обойдется.

– Неужели ты боишься мести этих людей? – спросил принц, видя, как встревожен его отец.

– Эти люди не опускаются до обычной мести. Но в одном монах прав. Этот мир – далеко не единственный, и есть невидимые, но очень могущественные силы, и не дай бог неподготовленному человеку с ними столкнуться.

Слова отца заставили принца задуматься, но ненадолго. Вскоре начали съезжаться гости. Всех надо было встретить, уделить внимание... На мысли времени не было.

На балу, который начался сразу же после грандиозного ужина, принц торжественно попросил руки своей возлюбленной Марты у её отца.

– Как ты собираешься доказать моей дочери свою любовь? – спросил великий герцог Грэм.

Предполагалось, что доказательством любви будет участие принца в турнире, но, сам не ведая почему, он вдруг сказал:

– В доказательство своей любви я готов отыскать и положить к ногам Марты Зеркало Пророка – реликвию, которую, как говорится в легенде, Пророк сделал своими руками.

– О каком зеркале ты говоришь? – удивлённо спросил великий герцог.

Принцу ничего не оставалось, как рассказать о своей встрече с монахом.

– Думаю, это будет королевским подарком, – согласился с принцем великий герцог, – и даже если твой поход по независимым от тебя причинам окажется неудачным, я приму его как доказательство любви, если ты покажешь себя в нём достойным человеком. В чём я, разумеется, ничуть не сомневаюсь.

– Именно этого я и боялся, – тихо прошептал король.

Но решение принца взволновало не только его. Марта тоже была категорически против этой затеи.

– Ради нашей любви, ради всего святого, откажись! – умоляла она принца, когда они выкроили несколько минут, чтобы побыть наедине. – Ты не должен за ним идти!

– Я не могу этого сделать, – ответил принц, – я поклялся честью и не могу отступить от своей клятвы.

– Но ты же можешь сказать, что зеркала нет, что это только легенда. Сошлись на монаха. Только ради бога оставь это проклятое зеркало в покое!

– Как ты можешь просить меня об этом?!

– Я чувствую, что с этим зеркалом ты потеряешь всё! Потеряешь меня, потеряешь себя, потеряешь нашу любовь. Ты не вернёшься больше никогда! И ради чего? Ради какого-то зеркала, которого, может, и нет вовсе. Мне не нужен этот подарок. Мне нужен ты!

– Я делаю это ради чести и достоинства. Ты – самая прекрасная девушка на Земле, и я должен показать, что достоин тебя.

На следующий день принц был в келье монаха.

– Расскажи, как мне найти зеркало? – выпалил он буквально с порога.

– Твоя горячность говорит о том, что я действительно не ошибся, и ты тот самый рыцарь, которому суждено отыскать эту святыню. Зеркало находится в башне замка, который стоит на краю утёса в городе, над которым солнце движется с запада на восток.

– Но как я найду это место?

– Путь подробно описан в Книге Снов. Сядь, я прочту тебе нужное место.

Принц сел на грубо сколоченный табурет, а монах достал из тайника очень древнюю книгу. Открыв её, он начал медленно читать нарастав на странном, совершенно незнакомом принцу (а принц был известен хорошим образованием) языке.

По мере чтения слова начали превращаться в руны, которые, вспыхивая золотым пламенем, проникали прямо в мозг принца.

– Теперь дорога навсегда запечатана в твоей голове, – сказал монах, давая понять, что разговор окончен.

Одновременно с этим принц понял, что он больше не в силах отказаться от поиска зеркала, что они навсегда связаны друг с другом.

Менее чем через месяц принц отправился в путь с небольшой дружиной. Он взял только самых лучших воинов из самых преданных друзей.

– Иногда судьба не даёт нам выбора, – сказал, смирившись, отец, благословляя принца в дорогу.

– Пусть эта вещь напоминает тебе обо мне, – Марта подарила на прощанье принцу медальон со своим портретом.

Она хотела ещё что-то сказать, но передумала.

– Прощай, – прошептала она, глотая слёзы, когда он достаточно далеко отошёл, чтобы её не слышать. Она чувствовала, что ему не суждено будет вернуться.

Поиски затянулись на долгие годы. Это был трудный, наполненный опасностями, лишениями и страданием путь. Всю дорогу за дружиной принца следовала смерть, забирая положенную ей дань. Были чужие войны, в которых, тем не менее, приходилось принимать участие, было отчаяние, была боль утраты погибавших в тяжёлых мучениях друзей, которым нельзя было помочь. Были подвиги, но были и предательство, унижения и позор. А некоторые события принц предпочёл бы не вспоминать никогда.

Поход полностью перековал принца. Он больше не был тем благородным юношей, который ради чести и любви отправился в поход. Теперь это был уставший, отчаявшийся и разочаровавшийся во всём человек. Он лишился руки и глаза, а из тех, кто отправился с ним в поход, в живых оставалось только трое. Ещё несколько человек примкнули к ним по дороге.

Потеряв всё, что только можно было потерять, они принесли множество страданий и другим людям; очень часто тем, кто не сделал им ничего плохого. Всюду, где появлялся отряд принца, были кровь и разрушения. Сначала это происходило как бы против его воли, но позже принц понял, что таким образом мстит всем и вся за потерянную в бесконечных поисках душу. Принц потерял дом, потерял любовь, потерял себя, потерял всё ради какого-то зеркала, которое он теперь проклинал каждое утро. Зеркало было единственной вещью, которая у него ещё осталась, и которая заставляла его жить. Принц поклялся его найти, чего бы это ему ни стоило.

И вот однажды, больше похожие на группу оборванцев, чем на боевой отряд, принц вместе с дюжиной чудом оставшихся в живых бойцов вышел к городу, над которым солнце движется с запада на восток, к городу, где хранилось заветное зеркало.

Город поразил его своим величием. По сравнению с ним столица отца выглядела как бедная деревня. Город стоял на горе, подножие которой с трёх сторон было окружено высокими крепостными стенами. С четвёртой стороны была отвесная скала, сразу за ней начиналось бескрайнее море. На самой вершине скалы стояла башня, где в ларце из редкого дерева хранилось Зеркало. Оно ждало принца, и в этом его ожидании принц увидел дьявольскую усмешку.

Вдруг городские ворота отворились, и навстречу принцу вышел весь гарнизон города. Огромная армия построилась перед городской стеной. Пехота в лёгких, но, тем не менее, прочных доспехах, лучники, кавалерия, боевые слоны...

Эта армия была непобедима, но отступить принц уже не мог. Для него приближающаяся смерть была избавлением.

– За мной, друзья, – закричал он остаткам своей дружины, всем тем, кто, как и он, предпочитал смерть позору.

Во главе своего отряда принц помчался на врага, но, о чудо! Вместо того, чтобы вступить в бой, армия приветствовала принца! Войска расступились перед ним, позволив беспрепятственно войти в город.

Принц не замечал ни прекрасных дворцов, ни удивительных храмов, ни красивейших садов, полных экзотических животных, с которыми совершенно безбоязненно, даже с хищниками, играли дети. Он не видел ничего, кроме дороги к башне, где лежало проклятое зеркало.

Конь не выдержал и упал перед входом в башню. Принц даже не стал его добивать. Он мчался вперёд, к зеркалу, уничтожившему его жизнь.

Наконец, последние ступени были преодолены, и принц увидел зеркало. Оно лежало в потемневшем от времени деревянном ларце на высеченном из глыбы прозрачного камня алтаре.

Единственная рука принца тряслась так, что он не смог даже открыть замки, которыми был закрыт ларец. Устав от безрезультатных попыток, принц разрубил его мечом.

Зеркало разочаровало принца. Это была небольшая прямоугольная пластина из серого, местами почерневшего от времени металла размером 10 на 15 сантиметров. Ни оправы, ни украшений на нём не было.

Посмотрев в зеркало, он не увидел там ничего. Даже тень не отразилась в его поверхности.

– Будь ты проклято! – закричал принц, – а вместе с тобой будь проклят и я!

Он схватил зеркало и бросился вместе с ним со скалы в море. Но ему не суждено было погибнуть. Перед ним расступилось само время, и он услышал голос Пророка.

– Ты потерял себя, потерял свою душу, потерял лицо, потерял все, вместо того, чтобы найти. И теперь ты будешь идти от жизни к жизни, в вечном поиске Зеркала и собственного лица. Лишь тогда, когда ты вновь обретёшь лицо, и оно в мельчайших подробностях отразится в Зеркале, ты обретёшь то, что обрёл бы уже сейчас, если бы сумел сохранить хоть маленькую частицу себя. Да будет так!

Время сомкнулось над головой принца.

– С тех пор принц вынужден возвращаться в наш мир вновь и вновь, чтобы в поисках Зеркала обрести лицо. Только тогда он сможет вернуть святыню туда, где ей должно находиться. Мы же все, как говорит легенда, являемся воплощёнными душами тех смельчаков, что отправились вместе с принцем в поход. И мы сможем найти успокоение только тогда, когда вновь все вместе совершим новый поход, исправив всё то, что натворили тогда с принцем Греем. Теперь это дело и твоей жизни.

Виктор не стал возражать Джеймсу, хотя, будучи человеком рационального ума, он был далёк от того, чтобы поверить в подобную историю.

9

Компания мирно завтракала, когда почтальон принёс адресованное Джеймсу письмо без обратного адреса. В конверте лежала записка из парижской газеты:

«Ночью... числа в своем доме на улице Лавуазье был обнаружен труп известного мецената и коллекционера герцога Бертрана де Рогана. Смерть наступила около полуночи в результате удара тяжёлым предметом по голове. Из дома герцога исчезли деньги и большая часть предметов коллекции. Как выяснила полиция, у слуг в этот день был выходной, и барон находился в доме один. Тело обнаружила вернувшаяся утром кухарка. По версии следствия»...

Дальше репортёр, как обычно, нёс полную чушь.

За столом воцарилось молчание – герцог Бертран де Роган был именно тем человеком, который купил у Соньера ларец предположительно с Зеркалом Пророка.

– Это не похоже на Макона, – произнёс, наконец, Безымянный, нарушив слишком затянувшееся молчание.

– Ты прав, – согласился с ним Джеймс, – а это означает, что тот, кто стоит за всеми убийствами, больше не старается усиленно сделать так, чтобы мы считали Макона виновным во всех его преступлениях.

– Убийство развеяло туман заблуждения. И это говорит о том, что наш враг добился своего и уже не боится огласки, – согласился с ним Безымянный.

– Что будем делать? – подключился к разговору месье Вальтер.

– Придётся рассказать обо всем Макону.

Все непонимающе уставились на Джеймса.

– Иногда следует объединяться с меньшим злом, чтобы противостоять большему. Думаю, сейчас именно такой случай.

10

Спустя две недели возле небольшой церкви на окраине Клермон-Ферроана остановился фиакр.

– Жди здесь, – распорядился Виктор, выходя из кареты. На нём был одновременно строгий и недорогой костюм, какие обычно носили клерки и прочие служащие.

– Простите, месье, могу я видеть отца Бертрана? – спросил он у служки, наводившего порядок в пустой в это время дня церкви.

– Поищите его в доме за церковью, месье. Скорее всего, он возится во дворе с цветами. Клумба – его любимое детище.

– Благодарю вас, месье, – оборвал Виктор не в меру словоохотливую служку.

За церковью внутри ограды стоял небольшой дом, вокруг которого были разбиты поистине удивительные клумбы. Над сотворением одной из них трудился пожилой человек небольшого роста.

– Ваши цветы способны заставить умереть от зависти не одного цветовода, – сказал Виктор, подходя к нему, – мне нужен отец Бертран.

– Чем могу служить?

– Мне нужно с вами поговорить по одному деликатному делу. Я не отниму у вас много времени.

– Пойдёмте в дом, – неохотно пригласил священник.

– Если вы не против, я бы предпочёл разговор на свежем воздухе. К сожалению, мне редко удаётся бывать на улице.

– Как вам угодно, месье, – ответил священник, который был рад такому повороту событий.

– Моё имя – Леон Бержье, – представился Виктор. – Я служу секретарём у человека, который хотел бы сохранить своё имя в секрете. Этот человек является отпрыском одного древнего рода, с которым связана легенда о принце Грее и Зеркале Пророка, которое долгие годы являлось как бы семейной реликвией. В 17 веке эта реликвия была утеряна при трагических обстоятельствах и совершенно недавно всплыла во Франции, в Париже. Несколько недель назад Зеркало Пророка приобрёл герцог Бертран де Роган. Мы хотели, было, выкупить у него Зеркало, но, к огромному нашему сожалению, около двух недель назад герцог был убит в своем доме. У нас есть все основания предполагать, что убийство совершено с целью завладеть Зеркалом. Дело в том, что среди тех, кто погряз в чёрной магии и прочих бесовских делах, Зеркало известно как талисман, дарующий небывалую силу. Это и заставило нас искать у вас помощи, святой отец.

– Но как я могу вам помочь?

– Вы можете оказать нам неоценимую услугу, если передадите этот конверт, – Виктор достал из кармана пухлый почтовый конверт, – графу Габриэлю де Макону.

– Но я не знаю никакого графа, – запротестовал священник.

– Разумеется, святой отец. Я несколько не сомневаюсь в искренности ваших слов, но войдите и в моё положение. Мой работодатель требует беспрекословного выполнения всех его распоряжений, и я не могу вернуться назад с конвертом. Поэтому я буду очень признателен вам, если вы, пусть даже из сострадания ко мне, возьмёте его с условием, что если вдруг вы совершенно случайно встретите графа де Макона, и письмо не успеет потеряться...

– Хорошо, молодой человек, раз вы настаиваете, я возьму конверт. Но я ничего не обещаю.

– Благодарю вас, святой отец. Надеюсь, вы не откажетесь от небольшого пожертвования для вашей церкви?

После разговора со священником Виктор вернулся в номер гостиницы.

Уже темнело, когда в дверь постучал посыльный.

– Простите месье, – сказал он, – но вас спрашивает господин по поручению графа де Макона.

– Скажите ему, что я сейчас спущусь.

В холле Виктор увидел человека средних лет в прекрасном дорогом костюме, который шёл ему не больше, чем корове седло. Даже существо с Марса, появившись оно в холле гостиницы, не приняло бы его за какого-нибудь буржуа. Этот человек мог быть флибустьером, наёмником, убийцей, боевым офицером... Было видно, что он привык повелевать и подчиняться приказам.

– Месье Бержье? – спросил он.

– С кем имею честь?

– Следуйте за мной.

Повернувшись на каблуках, он твёрдым шагом направился к выходу из гостиницы.

– Одну минуту, месье! – остановил его Виктор.

– В чем, чёрт возьми, дело?

– Я хочу удостовериться, что вы именно тот человек, которого я жду.

– Это ваше? – спросил он, вытаскивая из кармана конверт, который несколькими часами ранее Виктор передал отцу Бертрану. Только теперь конверт был пуст.

– Вы меня убедили, месье.

– Тогда следуйте за мной.

Они вышли из гостиницы и сели в карету, стоявшую прямо у входа. Внутри было ещё двое крепких молодых мужчин, род занятий которых не вызывал никаких сомнений.

– Надеюсь, месье Бержье, вы понимаете, что мы вынуждены предпринять некоторые меры безопасности?

Виктор согласно кивнул.

– Тогда вы не будете возражать против обыска.

– Нисколько, – согласился Виктор.

Они обыскали Виктора самым тщательным образом.

– А теперь наденьте, пожалуйста, вот это, – попросил один из мужчин, кладя на колени Виктору маску, полностью закрывающую глаза.

Только когда Виктор повиновался, карета тронулась в путь. Ехали чуть более получаса, или около того. Разумеется, Виктор даже не пытался считать повороты или удары сердца. Подобные методы хорошо выглядят только на страницах малоправдоподобных книг. На практике же такое может себе позволить разве что человек с трижды феноменальной памятью. Феноменальной памятью Виктор не обладал.

Наконец, карета остановилась.

– Приехали, месье.

Виктору помогли выйти из кареты. Несколько метров его вели по ровной, посыпанной гравием дорожке, затем ввели в дом. Там была крутая лестница наверх, коридор, дверь...

– Можете снять повязку, месье, – услышал Виктор приятный мужской голос.

Виктора привели в огромный дорого обставленный кабинет, хозяин которого, судя по обстановке, имел не только хорошие деньги, но и прекрасный вкус. В нескольких шагах от Виктора лицом к нему стоял крепкого сложения мужчина чуть старше пятидесяти лет. Лицом, и особенно взглядом он был похож на хищную птицу. Мужчина приветливо улыбался. По описаниям Джеймса это был граф Габриэль де Макон, суперагент тайной спецслужбы Ватикана.

Во все времена насилие было главным и единственным весомым аргументом церкви в споре с теми, кто не хотел беспрекословно принимать её доктрину. И если раньше она могла сколь угодно открыто использовать его во всех случаях жизни, то со временем её лишили этой возможности. Лишённые спичек и дров, отцы церкви изменили тактику борьбы с инако-

мыслием. Они создали достаточно мощную тайную полицию, не брезговавшую пользоваться услугами всевозможных авантюристов, которые с удовольствием служили делу церкви в обмен на ватиканское золото. Обычно к таким людям обращались, когда надо было сделать грязную работу так, чтобы тень, в случае чего, пала на кого угодно, но только не на церковь. Одним из тайных убийц во имя Христа и был граф де Макон.

– Извините, что стал виновником ваших неудобств, но человеку в моём положении необходимо заботиться о мерах безопасности, – произнёс граф, усаживая Виктора в кресло. – Кстати, откуда вы узнали моё имя, и как меня искать?

– К сожалению, граф, я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Я всего лишь выполняю инструкции своего нанимателя, а он, как вы понимаете, сообщает мне только то, что я должен знать.

– Охотно верю, – не стал спорить граф. – Выпьете? У меня превосходный коньяк.

– С удовольствием.

– Итак, что вас заставило искать моего общества? – вернулся он к разговору после того, как коньяк был разлит в бокалы, а сигары раскурены.

– Зеркало Пророка. Вы должны были о нём слышать.

– Разумеется.

– В последнее время с зеркалом связано слишком много убийств.

– Этот мир непомерно жесток, месье.

– Вы правы. Но до последнего случая убийца творил свои грязные дела, как бы копируя ваш почерк. Согласитесь, рядясь в ваши одежды, эти люди автоматически наносят вред тем идеалам, которым вы служите, бросая тень на вашу репутацию.

– Насколько я понимаю, вас привела сюда не забота о моей репутации.

– Вы правы. Побудительным мотивом послужил один вопрос, а именно: если некто использует такие методы для получения предмета, который по его представлениям способен наделить своего обладателя силой и могуществом, что он станет делать, получив этот предмет?

– Хотите сказать, что вы верите в волшебную силу Зеркала?

– Достаточно того, что это не вызывает сомнения у убийцы. Согласитесь, в данном случае намного важнее, во что верит убийца, чем сами свойства Зеркала. Конечно, он просчитывается, рассчитывая на силу Зеркала, но что-то он всё же успеет натворить.

– Я подумаю над вашими словами, но чего вы хотите для себя, делясь со мной этой информацией?

– Мы хотим, чтобы вы сделали то, что должны сделать, исходя из ваших обязательств перед теми, кому служите.

– Только не пытайтесь заставить меня поверить в благотворительность.

– Это было бы оскорблением вашего ума. Мой наниматель желал бы лично преподнести зеркало святой церкви в лице аббата Беранже Соньера, настоятеля церкви в Ренн-ле-Шато.

– Почему именно ему?

– Потому что так хотели предки моего нанимателя, для которого исполнение их воли стало целью жизни.

– Хорошо. Я подумаю над вашим предложением, месье Бержье. Куда бы вы хотели, чтобы вас отвезли?

– В гостиницу, если это не затруднит ваших людей.

Выходя из кареты, Виктор обратил внимание на двух молодых мужчин, оживленно беседовавших о чём-то недалеко от входа в гостиницу. Участвуя в революционной деятельности в России, он научился вычислять подобного рода людей. Ещё один сидел в холле и читал газету. За конторкой портье усиленно скучал незнакомый человек. Неизвестно, скольких ещё охотников на свой скальп он не заметил. У Виктора неприятно засосало под ложечкой.

Первое правило конспирации гласит: если ты заметил слежку, не вздумай отрываться или делать ещё какие-либо резкие движения. Если за тобой следят на всякий случай, твой уход от слежки фактически станет признанием в том, что ты именно тот, кто им нужен. А если они считают тебя серьёзным противником, то наверняка демонстрируют не самые главные силы. В данном случае охотник знал, на какую дичь объявлена охота, и наверняка принял меры. Глупее всего было бы броситься бежать и нарваться на пулю или нож. Виктор поступил с точностью до наоборот. Стараясь вести себя, как ни в чем не бывало, он подошёл к стойке портье.

– Мне ничего нет? – спросил он.

– Нет, месье Бержье, – ответил портье.

– Я жду важное письмо. Как только его принесут, потрудитесь немедленно доставить. Я буду в номере.

– Будет сделано, месье, – улыбаясь, ответил портье, ловко убирая со стойки оставленную Виктором монету.

Разумеется, никакого письма Виктор не ждал. Этот маленький спектакль должен был настроить противника на убийство Виктора в номере, куда убийца мог бы проникнуть под предлогом доставки письма. Разумеется, ОНИ могли и не клюнуть, но ничего лучшего в голову Виктора не пришло. Он был уверен, что в холле гостиницы на виду у всех его убивать не стали бы в любом случае. Для этого есть более подходящие места, такие как лифт и безлюдные коридоры. С лифтом Виктору повезло. В гостиницу вернулось с прогулки шумное семейство: родители и четверо детей. Извинившись, Виктор заскочил в лифт вместе с ними.

Выйдя из лифта, он сделал вид, что что-то уронил на пол. Убедившись, что коридор пуст, он прекратил поиски и направился энергичным, но не слишком быстрым шагом к лестнице, выход на которую был недалеко от кабинки лифта. Ему опять повезло, дверь была не заперта. С другой стороны, её специально могли оставить не запертой. В любом случае внизу его наверняка ждали, поэтому он осторожно двинулся вверх. Поднявшись на два этажа, Виктор попытался открыть дверь. Она тоже была открыта.

Виктор быстрым шагом шёл по коридору мимо дверей гостиничных номеров, моля всех богов о помощи. Кто-то из вседержителей услышал его молитву. Буквально в нескольких шагах впереди открылась дверь. Из номера вышла прекрасно одетая для прогулки женщина. Она была чуть выше среднего роста, немного худа для предпочтений тех лет, изящна. Лицо её было красиво той дерзкой красотой, за которую в средние века можно было бы заплатить жизнью. На вид ей было чуть больше двадцати лет. Но Виктору было не до этих подробностей. Не дожидаясь, пока она закроет дверь, он подскочил к ней, втолкнул обратно в номер и вошёл следом.

– Тихо, мадам, – сказал он ей, заперев дверь на ключ, – ведите себя спокойно, и я не причиню вам вреда.

– Позвольте мне угадать. Вы вооружены и очень опасны? – спросила она. В её красивых глазах играла азартная усмешка. Она боялась Виктора не больше, чем собственного отражения в зеркале.

– Будьте благоразумной, и вы не пострадаете, – произнёс по инерции Виктор, уже понимая, что благоразумной незнакомку не назовёшь.

– А если я закричу? – спросила она, с вызовом посмотрев в глаза Виктору.

– Я вижу, сударыня, вам нравятся опасные игры, но мне сейчас не до них. Постарайтесь это понять для вашего же блага.

– Если я правильно понимаю, вас уже ищут, и стоит мне закричать... Конечно, вы приведёте в исполнение свои угрозы, но вряд ли вам нужен такой поворот событий. И раз вы ворвались ко мне в номер без приглашения, лишили меня прогулки по городу, так постарайтесь, по крайней мере, не быть убийственно скучным.

– Боюсь, мне придётся заткнуть вам рот.

– Да? И как вы собираетесь это осуществить?

Нежно и одновременно сильно Виктор прижал её к себе и страстно поцеловал. Ни секунды не медля, она ответила на его поцелуй.

– Это прекрасный способ, месье, продолжайте, или я буду кричать, – томно прошептала она, когда Виктор прервался, чтобы перевести дух.

– Простите, сударыня, но я вынужден буду вас обыскать...

Объятия стали более страстными. Одежда полетела на пол...

– А ты не похож на грабителя...

Они лежали, тяжело дыша после долгой и страстной любви. Лежали, сыто обнимая друг друга, чтобы через какое-то время вновь окунуться в неистовую страсть.

– Это потому что я не грабитель.

– Только не говори, что это твой способ знакомиться с женщинами.

– Меня ищут убийцы.

– Так ты не охотник, а дичь?

Вместо ответа Виктор нежно поцеловал её в плечо.

11

Ощущение опасности заставило Виктора проснуться. Амалия (так звали приютившую Виктора хозяйку номера) ОТКРЫВАЛА ДВЕРЬ!!! В одно мгновение Виктор покрылся холодным, липким потом. Инстинктивно он вскочил с кровати, чтобы помешать ей, но было поздно.

– Ну что ты нервничаешь, – укоризненно, как маленькому ребёнку, сказала ему Амалия, впуская юную даму с небольшим саквояжем в руке, – это свои. Познакомься с моей лучшей подругой: Николь.

Николь выглядела полной противоположностью Амалии. Она тоже была красива, но если красота Амалии носила демонический характер, то Николь выглядела непорочным ангелом. Она была чуть выше и немного полнее подруги. На вид женщины были ровесницами.

Оторопев, Виктор так и застыл посреди комнаты.

– Так это всё для него? – спросила Николь, окинув внимательным взглядом Виктора с головы до ног. Её совсем не смутил вид Виктора, на котором из одежды было разве что несколько перьев из подушки в волосах.

– А если бы это был посыльный? Что бы он обо мне подумал, увидев тебя, разгуливающим в таком виде посреди комнаты? Я, конечно, не ханжа, но хоть какие-то приличия соблюдать всё-таки надо, – шутливо накинулась на Виктора Амалия.

– Прошу прощения, – пробормотал ставший пунцовым Виктор. Не зная, что делать, он схватил простыню и завернулся в неё на манер древних римлян. – Прошу прощения...

– Bravo, да ты застенчив! – воскликнула Амалия, захлопав в ладоши.

Румянец Виктора стал ещё заметней.

– Надеюсь, горячая вода у вас есть? – спросила Николь, доставая из саквояжа бритвенные принадлежности.

– Должна быть. В счёт, по крайней мере, она входит.

Горячая вода была, и Николь ловко взбила пену.

– Прошу вас в кресло, сударь, – сказала она Виктору.

– Позволь мне, – попросила Амалия, беря у подруги бритву.

– Только ради бога не порежь. Ты не представляешь, как трудно замазывать эти царапины.

– Какая всё-таки странная штука жизнь! – произнесла Амалия, подойдя к Виктору с бритвой в руке, – ещё вчера ты был вооружён и опасен. Ты бежал, ты боялся всех и вся. А сегодня ты спокойно смотришь на то, как практически незнакомая женщина играет с бритвой в сантиметре от твоего горла. Как видишь, наши роли поменялись местами. Теперь я вооружена и опасна, и моя очередь требовать повиновения, иначе... – она провела ногтем указательного пальца по горлу Виктора.

– Надеюсь, ты не собираешься пускать ему кровь? – спросила Николь, – мне слишком нравится платье, чтобы пачкать его кровью.

Виктор похолодел. А ЧТО, ЕСЛИ АМАЛИЯ БЫЛА БЫ ОДНОЙ ИЗ НИХ?!! – пронеслось у него в голове. Казалось бы, что может быть проще. Одно движение бритвой, и...

– Сегодня ночью он заслужил спасение, – ответила тем временем Амалия.

– Я думаю, – согласилась с подругой Николь.

– Дорогой Виктор, тебе очень идет этот костюм патриция, но пришло время примерить кое-что другое, – сказала Амалия, когда бритвё было закончено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.